

УДК 94(47).084.3

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/5

ОКОНЧАНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И КАРПАТОРУССКИЙ ВОПРОС: ВЗГЛЯД ИЗ СИБИРИ (ОСЕНЬ 1918 – ОСЕНЬ 1919 г.)*

Д.Н. Шевелев

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: shev-dn@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена рассмотрению и анализу особенностей восприятия и интерпретации событий в Восточной Европе, связанных с окончанием Первой мировой войны и решением карпаторусского вопроса на Парижской мирной конференции, прессой антибольшевистского движения. Автор ставит перед собой задачу на основе материалов газеты «Карпаторусское слово» – официального органа Центрального Карпаторусского совета, а также других проправительственных периодических изданий Востока России определить основные объяснительные модели и стратегии аргументации, использовавшиеся периодической печатью и игравшие значимую роль в самоидентификации и саморепрезентации, выстраивании единого дискурсивного пространства Центрального Карпаторусского совета и Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Окончание Первой мировой войны наряду с ликованием по поводу распада Австро-Венгерской империи и освобождением от «многовекового тевтоно-мадьярского ига» вызывало у лидеров сибирского сообщества карпаторусов (русинов) ощущение неопределенности, беспокойства и тревоги за будущее своего народа. В немалой степени этому способствовали рассредоточенность русинов по странам и континентам, отсутствие у них единого политического центра, ослабление роли России в связи с фактическим распадом империи и образованием на ее территории нескольких конкурирующих государственных образований и подписанием большевиками сепаратного мира с Центральными державами, а также возможные притязания как уже существующих (Румыния, Венгрия), так и вновь образованных (Польша, Чехословакия) государств Восточной Европы на территории Прикарпатской Руси. Первоначальные надежды на установление нового, справедли-

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

вого мирового порядка, основанного на принципе национального самоопределения, закрепление территории Карпатской Руси в составе возрожденного Российского государства сменяются сомнениями и разочарованием в союзниках. В такой ситуации Центральный Карпаторусский совет как руководящий общественно-политический центр русинов Урала и Сибири делает ставку на мобилизацию собственных сил и более тесный союз с Российским правительством адмирала А.В. Колчака.

Ключевые слова: Первая мировая война, Парижская мирная конференция, Карпатская Русь, русины, Сибирь, Российское правительство адмирала А.В. Колчака, Центральный Карпаторусский совет, политический нарратив.

THE END OF THE FIRST WORLD WAR AND THE CARPATHIAN ISSUE: A VIEW FROM SIBERIA (AUTUMN 1918 – AUTUMN 1919)*

D.N. Shevelev

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: shev-dn@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the anti-Bolshevik media perception and interpretation of the events in Eastern Europe related to the end of the First World War and the resolution of the Carpathian issue at the Paris Peace Conference. Drawing on the newspaper *Karpatorusskoe slovo*, the official organ of the Central Carpathian Council, and other pro-government periodicals in eastern Russia, the author identifies the main explanatory models and argumentation strategies that were significant for self-identification, self-representation and formation of a single discursive space of the Central Carpathian Council and the Russian government of Admiral A.V. Kolchak. The end of the First World War, along with jubilation over the collapse of the Austro-Hungarian Empire and the liberation from the “centuries-old Teutonic-Magyar yoke”, caused the leaders of the Siberian community of Carpathians (Rusins) to feel uncertain, concerned and anxious about the future of their people. This feeling increased due to the dispersion of Rusins across countries and continents, their lack of a single political centre, and weaker influence of Russia after the Empire collapse that resulted in the formation of several competing states on its territory, conclusion of a separate peace treaty between the Bolsheviks and the Central Powers and possible claims of both existing

*The results were obtained under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation state task, Project Nr. 33.1687.2017 / 4.6.

(Romania, Hungary) and newly formed (Poland, Czechoslovakia) East European states to the territory of Carpathian Rus. Initial hopes for a new, fair world order based on the principle of national self-determination, the consolidation of the territory of Carpathian Rus as part of the revived Russian state give way to doubts and disenchantment with the allies. In this situation, the Central Carpathian Council as the leading socio-political centre of the Rusins in the Urals and Siberia relies on its own forces and a closer alliance with the Russian government by Admiral A.V. Kolchak.

Keywords: World War I, Paris Peace Conference, Carpathian Rus, Rusins, Siberia, Russian Government of Admiral A.V. Kolchak, Central Carpathian Council, political narrative.

«Опираясь как на тысячелетнее историческое самоопределение Прикарпатской Руси, так и на подлинную волю населения, во время нынешней войны не только выраженную в многочисленных резолюциях, но и запечатленную потоками крови лучших сынов, – говорилось в открытом письме президенту Чехословакии Т.Г. Масарику, – Центральный Карпаторусский совет заявляет, что мирное культурно-национальное развитие Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) возможно только в пределах Российского государства, с предоставлением населению областной автономии. В момент, когда Россия вследствие неслыханного напряжения сил и колоссальнейших жертв, принесенных на алтарь общей победы, ныне тяжело ранена, Центральный Карпаторусский совет просит Вас как председателя лиги угнетенных народов Средней Европы и советника по славянским делам на предстоящей мирной конференции поддержать вековые стремления населения Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) к воссоединению с родной великой Россией» (Карпаторусское слово 16).

К осени 1918 г. в восточных районах России – в Поволжье, на Урале, в Западной и Центральной Сибири – находилось несколько десятков тысяч карпатороссов (русинов) – уроженцев Прикарпатья, размещавшихся в колониях беженцев и лагерях военнопленных. В октябре – декабре происходит их самоорганизация:

1. В начале октября 1918 г. в Челябинске состоялся Съезд делегатов карпаторусских колоний Пермской губернии, Западной и Центральной Сибири, представителей Карпаторусского добровольческого отряда.

2. Была создана Карпаторусская центральная организация, целью которой провозглашалось «освобождение Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) из-под австро-мадьярского ига и воссоединение ее с Россией», «защита, как культурно-национальных, так и материальных интересов всех карпатороссов», и

сформирован Центральный Карпаторусский совет (ЦКС) с «самыми широкими полномочиями во всех направлениях его деятельности» под председательством А.В. Копыстьянского (Карпаторусское слово 20; Нам, Наумова 2014; Шевелев, Конев 2014).

3. Образован Карпаторусский национальный фонд; по почину добровольца карпаторусских войск крестьянина Николая Васильевича Гнедого начинается сбор пожертвований («лавина-подать») (Карпаторусское слово 17).

4. В Омске формируется Карпаторусский добровольческий отряд. Между Отделением для России Чехословацкого национального совета и ЦКС 16 октября был заключен договор о сотрудничестве в организации карпаторусских добровольческих частей, подчинявшихся чехословацкому военному командованию (Чехословацкий корпус 2018: 464–465).

5. С декабря 1918 г. ЦКС издает газету «Карпаторусское слово». Вначале газета, редактором которой являлся И.А. Лабенский, выходила в Екатеринбурге, а затем, с апреля 1919 г., – в Омске.

Окончание Первой мировой войны привело лидеров сибирского сообщества карпаторуссов (русинов), с одной стороны, к радости и ликованию по поводу поражения Центральных держав, распада «лоскутной» Австро-Венгерской империи и освобождения от «многовекового тевтоно-мадьярского ига». «Братья! – отмечалось в обращении ЦКС "Всем уроженцам Прикарпатской Руси", – творится суд Божий. С треском рушатся стены австро-венгерской тюрьмы народов. Силы врага, беспощадно нас давившего и истреблявшего, ныне сломлены. Полнейший развал Австро-Венгрии неминуем, и неуклонно приближается час торжества угнетенных народов. Все славянские и романские народы – поляки и югославы, итальянцы и румыны с чехословаками во главе – с оружием в руках добиваются свободы и сомкнутыми рядами идут на бой с жестоким врагом» (Карпаторусское слово 6).

С другой стороны, оно вызвало постепенно нараставшее чувство неуверенности, беспокойства и тревоги за судьбу как русского населения Прикарпатья, так и русского народа в целом, а также за дальнейшие перспективы Российского государства, с которым они прочно связывали свои надежды на будущее. «Для всех народов, заселяющих Австро-Венгрию, – указывало "Карпаторусское слово", – настал праздник свободы. Но не празднует, не ликует многострадальная Прикарпатская Русь. Позорный Брестский мир бросил Галицкую, Буковинскую и Угорскую Русь обратно в объятия Австро-Венгрии» (Карпаторусское слово 11). Растерянность и пессимизм руководства сибирского сообщества русинов, но несколько

с другой точки зрения, разделяли лидеры антибольшевистских сил Востока России, что нашло отражение в прессе. «Мы стесняемся радоваться, – писала красноярская "Свободная Сибирь". – Не наша это победа. Мы занимаемся самобичеванием: почему не мы участники последнего победоносного наступления? Нас мучит совесть. Мы ушли с поля брани. На полпути к намеченной цели обманули расчеты союзников, даже больше – продали их. Постыдным Брестским миром продавая Россию, партия национального позора и унижения предала союзников. Этот великий грех Иуды, чужой грех, отравляет радостную весть о полной победе» (Свободная Сибирь 1918). Примерно в той же тональности звучали мнения других периодических изданий. «Поистине над потрясенной Европой восходит новый день, миллионы человеческих очей радостно открываются сейчас ему навстречу, – писали, например, в своей передовице уфимские "Отечественные ведомости". – Только нашим глазам, застанным кровавой пеленой, он светит тускло и сумрачно... Как народу поверженному, как нации, потрясенной до глубочайших своих основ, нам не дано тотчас почувствовать все благодатные последствия освобождения от германского кошмара. Наш внутренний распад зашел слишком далеко, и ближайшее будущее наше еще покрыто мглой» (Отечественные ведомости 1918).

Цель данной работы – на основе материалов газеты «Карпаторусское слово», официального органа Центрального Карпаторусского совета, а также других проправительственных периодических изданий Востока России выявить особенности их восприятия и интерпретации событий в Восточной Европе, связанных с окончанием Первой мировой войны и решением карпаторусского вопроса на Парижской мирной конференции. Исходя из поставленной цели, автор ставит перед собой две основные исследовательские задачи:

- реконструировать основные объяснительные модели и стратегии аргументации, использовавшиеся прессой того времени и игравшие значимую роль в самоидентификации и саморепрезентации сообщества русинов Урала и Сибири, выстраивании единого дискурсивного пространства Центрального Карпаторусского совета и Российского правительства адмирала А.В. Колчака;

- проследить эволюцию в интерпретации территориальных изменений в Прикарпатье в контексте окончания Первой мировой войны и обсуждения карпаторусского вопроса на Парижской мирной конференции.

Отметим, что различные аспекты истории национального движения русинов (карпатороссов) на завершающем этапе Первой мировой и во время гражданской войны в России, урегулирования карпаторус-

ской проблемы на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.) и территориального раздела Прикарпатья в послевоенный период рассматривались в работах И.И. Баринова, И.П. Стрелкова (Баринов, Стрелков 2012а; Баринов Стрелков 2012b), И.В. Нам, Н.И. Наумовой (Нам, Наумова 2018), А.И. Пушкаша (Пушкаш 2006; Пушкаш 2007), С.Г. Суляка (Суляк 2006), В.Г. Хандорина (Хандорин 2017), К.В. Шевченко (Шевченко 2006; Шевченко 2010) и других отечественных исследователей. Основной упор при этом делался преимущественно на событийную сторону вопроса. Однако не менее важной является реконструкция того ценностно-смыслового, образного и символического универсума, который являлся объединяющим идеологическим фундаментом не только для карпаторусского национального, но и для российского антибольшевистского движения.

Поясним, что для обозначения территории, населенной карпатороссами, в газете «Карпаторусское слово», а также в других антибольшевистских периодических изданиях Востока России использовался термин «Карпатская Русь». Карпатороссы рассматривались как «часть стомиллионного русского народа, живущая в пределах Австро-Венгрии». «Они заселяют горы Карпаты и прилегающие к ним равнины, и поэтому эти области, населенные карпатороссами, носят название *Прикарпатская Русь*» (Карпаторусское слово 12). Понятия «русин», «русины» в периодической печати того времени не использовались. В свою очередь пространство Карпатской Руси включало три составных элемента: Галицкая (Галичина, Галиция), Буковинская (Буковина) и Угорская (Закарпатская) Русь. «Прикарпатская Русь (Галицкая, Буковинская и Угорская Русь)», «уроженцы Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси)», «население Прикарпатской Руси, т.е. Галицкой, Буковинской и Угорской Руси» были устойчивыми, повторявшимися, часто встречавшимися в прессе словосочетаниями.

Угорской, или Закарпатской, Русью, поясняла газета «Карпаторусское слово», «называется часть Венгрии, простирающаяся от Черной Тисы до Лотарицы и немного дальше к северо-западу. Границей ее на юге являются река Тиса и Сатмарские горы, на западе – отроги Бескид, на севере Угорская Русь непосредственно примыкает к Галичине и Буковине» (Карпаторусское слово 19). Еще в средневековье «несоорганизованные карпатские славяне вынуждены были войти в состав Венгерского королевства». Для обозначения русского (русинского) населения Угорской Руси использовалось понятие «угрорусы» («угророссы»). В административном отношении земли Угорской Руси были разделены на семь комитатов, причем только в двух из них (Мармарошском и Берегском) угрорусское население составляло более половины всех жителей.

Буковинская Русь (Буковина) «в самом начале своего исторического развития составляла нераздельную часть Галичины» (древнерусского Галицко-Волынского княжества). Впоследствии территория Буковины переходила под власть Золотой Орды, Венгерского королевства, Молдавского княжества, Османской империи и, наконец, «в 1775 г. вошла в состав Австрии и принадлежала этому государству вплоть до нынешних событий», образуя с 1850 г. отдельную автономную область «княжества Буковины». Четкой пространственно-географической локализации Буковинской Руси в прессе не содержалось. «В 1910 году в Буковине насчитывалось (по официальной австрийской статистике): русских 305 000 (40 % всего населения), румын 278 000 (35 %); остальные 25 % распределялись между поляками, евреями, немцами, мадьярами и другими национальностями» (Карпаторусское слово 2).

Сложнее всего дело обстояло с Галицкой Русью (Галичиной). «Как известно, – писал председатель ЦКС А.В. Копыстьянский, – название "Галиция" происходит от древнего русского города Галича, вокруг которого еще в 1138 г. объединились три русских княжества: Теребовльское, Звенигородское и Перемышльское. Когда в конце XII столетия на галицкий престол вступил Роман Мстиславич, он соединил Галич с Владимиром-Волынским и таким образом дал начало еще ныне употребляемому термину "Галиция и Володимерия" (*Galcia et Lodomeria*)» (Наш путь 1919). Однако, по мнению Копыстьянского, после 1772 г., когда эти земли в результате первого раздела Польши отошли к Габсбургской монархии, австрийские власти, вернувшись к названию «Королевство Галиция и Володимерия», «по политическим соображениям одновременно исказили его настоящий смысл». Они объединили территорию древнего русского Галича с Краковским и Сандомирским воеводствами, ранее составлявшими область Малопольши. «Таким образом, в одной провинции, носящей название "Королевства Галиции и Володимерии", очутились два народа: польский и русский, количество коих в 1910 г., по статистическим данным, выражалось в следующих цифрах: русских – 3 381 267 чел.; поляков без евреев – 3 635 145 чел.» (Наш путь 1919). Учитывая это обстоятельство, Галицкой Русью (русской Галичиной) могла считаться только Восточная Галиция. В периодической печати можно было найти и понятие «Лемковщина», под которой понималась западная окраина Восточной Галиции.

Сомнения и некоторый пессимизм, присутствовавшие в прессе при оценке как «карпаторусского», так и в целом «русского» вопроса в контексте предстоящей Парижской мирной конференции, были обусловлены несколькими факторами:

– рассредоточенностью русинов по разным странам и даже континентам, отсутствием у них единого политического центра, их относительно невысоким влиянием на принятие решений странами Согласия;

– ослаблением роли России в связи с фактическим распадом империи, организацией на ее территории нескольких конкурирующих государственных образований и подписанием большевиками сепаратного мира с Центральными державами;

– возможными притязаниями как уже существовавших (Румыния, Венгрия), так и вновь образованных (Польша, Чехословакия) государств Восточной Европы на территории Прикарпатской Руси.

Освещая и интерпретируя события, связанные с подготовкой и началом работы Парижской мирной конференции, выстраивая прогнозы на будущее, «Карпаторусское слово» как официальное издание Центрального Карпаторусского совета исходило из:

– идеи общерусского единства, воссоединения территории Прикарпатской Руси с «возрождающейся Россией» как единственно возможного справедливого решения карпаторусского вопроса;

– законности Российского правительства адмирала А.В. Колчака;

– восприятия большевизма и украинского «самостийничества» как явлений одного порядка – порожденных Германией и Австро-Венгрией «разрушителей русской культуры, теоретиков человеко-ненавистничества и русофобства»;

– надежды на Парижскую мирную конференцию, способную решить карпаторусскую проблему на основании провозглашенного президентом США Т.В. Вильсоном принципа самоопределения народов и в духе, отвечающем воле населения Прикарпатской Руси.

Анализ материалов периодической печати показал определенную эволюцию в их интерпретации территориальных изменений в Восточной Европе, рассматриваемых в контексте послевоенного урегулирования и обсуждения карпаторусского вопроса на Парижской мирной конференции.

Ноябрь 1918 – январь 1919 г. Начиная с того момента, когда информация о подписании Компьенского перемирия достигла Сибири, и вплоть до конца января 1919 г., на страницах периодических изданий представители различных групп и направлений антибольшевистского движения Востока России, в т. ч. и руководство Центрального Карпаторусского совета, активно обсуждали открывающиеся перспективы послевоенного развития, выстраивали прогнозы. «Перестройка возрожденной Европы, – отмечало "Карпаторусское слово", – вне всякого сомнения, происходит под знаменем национализма... Освобожденные от непрерывной напряженной борьбы с германской и мадьярской

железной опекой, объединенные в национальные государства, народы Средней Европы идут навстречу светлому будущему, творческой работе на поприще национальной культуры, которая в итоге должна привести к небывалому прогрессу человечества» (Карпаторусское слово 14). Серьезные ожидания связывались с предстоящей международной конференцией. «Близость открытия мирных переговоров, вопрос об участии в них представителя России, который не может не отстаивать воссоединения на основании принципа самоопределения народов карпаторусских земель с Россией, – вот вопросы, которые в одинаковой мере волнуют нас всех», – констатировало то же «Карпаторусское слово» (Карпаторусское слово 9).

Общественные силы Сибири внимательно прислушивались к лидерам мирового мнения, чутко пытались уловить их политический настрой и исходящие от них сигналы, адресованные мировому сообществу. Одним из ключевых источников такого рода посланий был президент США Т.В. Вильсон. Еще до того, как им были сформулированы и обнародованы его знаменитые 14 пунктов, в сибирской периодике широко распространялась речь президента перед Конгрессом. «Ныне, – говорилось в ней, – великие нации окончательно слились в общей цели утверждения такого мира, который удовлетворит стремление всего света в бескорыстной справедливости и который найдет свое выражение в соглашениях, базирующихся на основах гораздо лучших и гораздо более прочных, нежели эгоистические конкурирующие интересы могущественных государств... Главная и единственная цель – это обеспечить и защитить слабых и предоставить справедливые права сильным» (Правительственный вестник 1918). Особенно воодушевляло обещание Т.В. Вильсона поддержать те «народы, которые только что вышли из-под ига бесконтрольного управления и которые, наконец, становятся свободными», но при этом «изберут пути мирного самообладания и мирного разрешения вопросов», избегая насилия по отношению к соседним странам.

В русле решения карпаторусского вопроса правильным признавался только один вариант: «Карпатские русские земли должны войти в состав русского государства. Только тогда русский народ сможет смело смотреть в глаза своему будущему, так как силы всего народа, раньше в значительной степени поглощенные национальной борьбой, получают возможность устремиться на плодотворную культурную и социально-экономическую работу» (Карпаторусское слово 14). Лидеры карпаторуссов (русинов) не сомневались именно в таком благоприятном для них решении союзных держав. «С освобождением славянских народов и трансильванских румын от австро-мадьярского ига, – утверждало "Карпаторусское слово", – эти народы присоединятся

к свободным родственным государствам. Не может быть сомнения, что та часть русского народа, которая заселяет Галичину, Буковину и Угорскую Русь, будет воссоединена с остальным русским народом, с Россией» (Карпаторусское слово 9).

Не сомневались они и в том, что как «возрожденная Россия», так и Карпатская Русь будут представлены на предстоящей международной конференции. Первые – в силу «колоссальнейших жертв, принесенных русским народом на алтарь общей победы» (Карпаторусское слово 15). Вторые – поскольку в «настоящую войну Прикарпатская Русь была главным театром военных операций», а ее население «пережило все ужасы войны в размерах, подобных которым не найти в истории всего мира» (Карпаторусское слово 21). Даже появившиеся в то время притязания Польши на Восточную Галичину (Галицию) и Румынии на Буковину, по мнению «Карпаторусского слова», из-за их очевидной исторической необоснованности будут решены державами Согласия исключительно в пользу карпатороссов и России. «Каковы бы не были перипетии разыгрывающейся на полях русского Прикарпатья последней трагедии пострадавшего народа, – утверждалось в одной из статей, – голос Карпатской Руси будет услышан союзными нациями, которые не допустят, чтобы на искони русской земле, освобожденной от австрийского ига, происходили события, попирающие права гуманности и справедливости, права части русского народа на самоопределение» (Карпаторусское слово 22).

Февраль – апрель 1919 г. На этом этапе появились первые сомнения в благоприятном для русинов решении вопроса о будущем территории Прикарпатья. С одной стороны, это было связано с отношением союзников к русскому вопросу. Поддержка странами Согласия правительств национальных окраин бывшей Российской империи ставила под вопрос заинтересованность союзников в воссоздании единой России. «Неопределенность политики союзников по отношению к России, – писало по этому поводу "Карпаторусское слово", – не дает возможности сказать, насколько западноевропейские страны заинтересованы в воссоздании русского государства. Правда, в числе первых условий перемирия союзники потребовали от германцев очищения всей территории России в пределах до 1914 года, но это требование является мерой по обезвреживанию врага Германии, и ничего не говорит о том, каково отношение западных стран к проблеме политического единства России. Уже один тот факт, что переговоры союзной комиссии с петлюровской Директорией привели к "благоприятным результатам", о чем недавно сообщалось в телеграммах, делает проблему об отношениях союзников к государственному единству России неясной и запутанной» (Карпаторусское слово 10).

Ни делегацию Российского правительства адмирала А.В. Колчака, ни Русское политическое совещание в Париже как объединенное представительство антибольшевистских государственных образований не допустили в качестве представителя России на Парижскую мирную конференцию. Вместо этого союзники выступили с инициативой созвать на Принцевых островах совещание представителей всех политических групп и государственных образований бывшей Российской империи и держав Согласия для того, чтобы решить дальнейшую судьбу страны (Ллойд Джордж 1957: 274–330; ЗДРП 2003: 95–97; Шмелев 2017: 32–48). Такое предложение расценивалось антибольшевистскими силами одновременно как унижительное (ввиду того, что Россия была лишена представительства на международной конференции) и оскорбительное, поскольку фактически уравнивало национально и государственно мыслящие (как они себя сами позиционировали) силы и «партию Ленина и Троцкого», которая, по утверждению газеты «Сибирская речь», «ввела в глубь России отравляющую энергию врага и в существе своем являлась отрядом действующего в тылу русского народа противника» (Сибирская речь 1919).

С другой стороны, обозначились первые признаки игнорирования руководством Антанты выдвигавшихся карпаторусским национальным движением требований. Направленная в Восточную Галичину союзническая миссия предложила передать Львов полякам, что, с точки зрения ЦКС, означало ее полный провал. «На этот шаг, – уверяло "Карпаторусское слово", – карпаторусы не пошли и никогда не пойдут... Мы категорически заявляем, что захват города Львова противником и предстоящие еще другие территориальные захваты вопроса о принадлежности Восточной русской Галичины к Польше не решают» (Карпаторусское слово 4).

Май – ноябрь 1919 г. Разочарование в самой возможности справедливого решения карпаторусского вопроса на Парижской мирной конференции нарастало. В Сибири это происходило как под воздействием информации, поступавшей непосредственно из Парижа, так и под влиянием сведений из Восточной Европы, прежде всего из Галиции, ставшей к тому времени ареной противостояния Польши и Украинской Народной Республики. «Получены тревожные сведения, что на мирной конференции возник проект – разделить нашу Галичину, Буковину и Угорскую Русь между тремя государствами, – утверждала газета "Карпаторусское слово" в начале мая 1919 г. – Нашей родине угрожает новое тройное иго, которому в будущем не предвидится конца» (Карпаторусское слово 18). Еще большее волнение у руководства карпаторусского сообщества Урала и Сибири

вызвала информация о намерении Верховного совета Антанты передать Восточную Галичину под управление Польши. «Свершилось, – негодовало "Карпаторусское слово". – Мы подошли к моменту, когда одним росчерком пера "решена" судьба искони русского края – Прикарпатской Руси. Решение это уже приведено в исполнение: Галичина захвачена поляками, Буковина – румынами. Более того. Кое-кто покушается даже на области, бесспорно принадлежащие России, трактуя таким образом столь заслуженную в мировой войне русскую нацию как побежденную» (Карпаторусское слово 1).

Обманутые ожидания подрывали саму веру в светлое послевоенное будущее, о котором пресса восторженно писала еще несколько месяцев назад. «Время такое, – отмечалось в воззвании Карпаторусского комитета в Париже, адресованном ЦКС в Омске, – что не закон и правда царит в мире, но физическая сила. Мы это видим здесь, на чужбине, где когда-то благоговели, преклонялись и дрожали пред могуществом России, теперь Русь унижена и обижена, покинута всеми и оставлена на произвол судьбы» (Карпаторусское слово 5). В новом контексте лидеры карпаторусского национального движения стали переориентироваться исключительно на собственные силы. На страницах периодических изданий появились и первые упреки по отношению к странам Антанты. «Мы рассчитывали, – писало "Карпаторусское слово" летом 1919 г., – что союзники, в своих собственных интересах, помогут нам активно и скоро покончат с угрожающим всему миру ядом социального мракобесия. Но они считают, что пассивной помощи, оказываемой нам, для их целей достаточно... Мы предоставлены своим собственным силам» (Карпаторусское слово 3). Со временем этот критический настрой прессы усилился. «В течение нескольких месяцев мы устремляли наши взоры в сторону сильных мира сего, – отмечала та же газета в начале осени. – Мы верили глубоко, что наш голос будет выслушан в Париже. Мы ошиблись. Мы горько разочаровались. До наших ушей в Сибири уже доходит издали страшный гул оков, бесцеремонно налагаемых врагами на наш народ» (Карпаторусское слово 8).

Подведем итоги. Газета «Карпаторусское слово» как периодическое издание Центрального Карпаторусского совета и сообщества русинов Урала и Сибири в целом проделала вполне отчетливую и прослеживаемую эволюцию в интерпретации и оценках территориальных изменений в Восточной Европе, рассматриваемых в контексте послевоенного урегулирования и обсуждения карпаторусского вопроса на Парижской мирной конференции. Первоначальный восторг и завышенные ожидания «справедливого», с их точки зрения, территориального устройства исторически сложившейся Карпатской Руси

разбились о политическую реальность и прагматические интересы ведущих на тот момент мировых держав и сменились жестоким разочарованием в союзниках.

В этом новом контексте лидеры карпаторусского национального движения вынуждены были сменить приоритеты и ориентироваться в большей степени на собственные силы. «За многие века нашей изолированной областной исторической жизни никогда более судьба родной земли не зависела в такой степени от нас самих, как сейчас», – подчеркивала газета «Карпаторусское слово» в конце октября 1919 г. (Карпаторусское слово 13). Новый курс предполагал консолидацию всех карпаторуссов Прикарпатья и зарубежных диаспор, объединения с «украинофильской партией» в «единый общий фронт» «во имя блага общей родины» (Карпаторусское слово 7). Большие надежды возлагались на армию, основой которой виделись карпаторусские части в России и Италии. «Знайте и скажите всем, что в настоящее время все взоры должны быть устремлены на нашу молодую армию... Все, кто только может держать в руках ружье, – к оружию! Карпаторусы, к оружию!» – призывал Карпаторусский комитет в Париже (Карпаторусское слово 5).

В итоге, оценивая ситуацию в Восточной Европе и результаты Парижской мирной конференции, Центральный Карпаторусский совет сделал ставку на мобилизацию собственных сил и более тесный союз с Российским правительством адмирала А.В. Колчака (Шевелев, Конев 2015). При этом основой для сближения выступало единое ценностно-смысловое пространство, базировавшееся на определенных архетипических образах («тевтоно-мадьяр» как извечных врагов русского народа и всех славян; большевиков и самостийников как пособников «германизма») и мотивах (жертвы, принесенные Россией и русинами во имя победы союзнической коалиции в мировой войне), организованное и транслируемое в форме политических нарративов о «Великой войне» и «Великой России» (Шевелев 2014: 349–351; Шевелев, Конев 2014: 172–176).

«Наши родные, наши несчастные семьи ждут в разоренном крае нашей помощи. Откуда же может прийти эта помощь? Все соседние страны разорены войной, и им самим угрожает голод. Остается единственная надежда на Россию, на освобожденную *русскую* (выделено курсивом в источнике. – Д.Ш.) Россию... Но помощь эта может нам быть оказана не ранее, как Россия будет восстановлена... Следовательно, сражаясь против большевиков, мы этим приближаем развязку событий и момент освобождения своего края от разрухи, голода и порабощения» (Карпаторусское слово 13) – такими словами «Карпаторусского слова» можно подвести итог пути, который проделала

газета, а вместе с ней и все карпаторусское сообщество Урала и Сибири, в определении союзников и противников, своих и чужих.

ЛИТЕРАТУРА

Баринов, Стрелков 2012a – *Баринов И., Стрелков И.* Будущее Буковины в контексте русских, украинских и румынских предложений на Парижской мирной конференции 1919 г. // Русин. № 2 (28). С. 35–48.

Баринов Стрелков 2012b – *Баринов И., Стрелков И.* А.В. Копыстанский и его деятельность в России в годы гражданской войны, 1918–1920 гг. // Русин. № 3 (29). С. 116–126.

ЗДРП 2003 – Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 г. – январь 1920 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2. 202 с.

Карпаторусское слово 1 – Бейте тревогу! // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 11 авг.

Карпаторусское слово 2 – Буковинская Русь // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 2 (3).

Карпаторусское слово 3 – В армии – спасение родины // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 4 авг.

Карпаторусское слово 4 – Вести с родины // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 11 апр.

Карпаторусское слово 5 – Воззвание // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 4 авг.

Карпаторусское слово 6 – Всем уроженцам Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. № 1.

Карпаторусское слово 7 – Единственный путь // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 25 авг.

Карпаторусское слово 8 – За что и почему? // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 6 сент.

Карпаторусское слово 9 – Итоги // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 1 (2).

Карпаторусское слово 10 – К вопросу о русско-польских взаимоотношениях // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 5 (6).

Карпаторусское слово 11 – К русскому народу // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. № 1.

Карпаторусское слово 12 – Катехизис добровольца-карпаторуса // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 3 (4).

Карпаторусское слово 13 – На рассвете // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 23 окт.

Карпаторусское слово 14 – Новая Европа и возрожденная Россия // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. № 1.

Карпаторусское слово 15 – Объединение сил // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 2 (3).

Карпаторусское слово 16 – Открытое письмо Центрального Карпаторусского совета президенту Чешско-Словацкой республики профессору Масарику // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 1 (2).

Карпаторусское слово 17 – Приказ № 2 Центрального Карпаторусского совета по карпаторусским войскам // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 1 (2).

Карпаторусское слово 18 – Прикарпатская Русь в смертельной опасности // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 4 мая.

Карпаторусское слово 19 – Угорская Русь // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 11 апр.

Карпаторусское слово 20 – Устав Карпаторусской центральной организации // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. № 1.

Карпаторусское слово 21 – Участие Прикарпатской Руси в нынешней войне // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 2 (3).

Карпаторусское слово 22 – Что происходит в Восточной Галичине? // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. № 1.

Ллойд Джордж 1957 – *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах: в 2 т. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. Т. 1. 656 с.

Нам, Наумова 2014 – *Нам И.В., Наумова Н.И.* Съезды карпатороссов в Сибири в годы Гражданской войны. 1918–1919 // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–166. DOI: 10.17223/18572685/37/11

Нам, Наумова 2018 – *Нам И.В., Наумова Н.И.* Карпаторусская проблема на Парижской мирной конференции (1919 г.) // Русин. 2018. № 53. С. 172–192. DOI: 10.17223/18572685/53/10

Наш путь 1919 – *Копыстянский А.* Малопольша и Галиция // Наш путь. Омск. 1919. 29 (16) сент.

Отечественные ведомости 1918 – 13 октября (30 сентября). Накануне // Отечественные ведомости. Уфа. 1918. 13 окт. (30 сент.).

Правительственный вестник 1918 – Речь президента Вильсона о мире // Правительственный вестник. Омск. 1918. 20 нояб.

Пушкаш 2006 – *Пушкаш А.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М.: Европа, 2006. 564 с.

Пушкаш 2007 – *Пушкаш А.И.* Международный и политико-правовой статус национальных меньшинств стран Средней Европы в решениях Парижской мирной конференции // Восточная Европа после Версаля. СПб.: Алетей, 2007. С. 78–89.

Свободная Сибирь 1918 – Чужой грех // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 24 (11) нояб.

Сибирская речь 1919 – Омск, 5 февраля 1919 г. // Сибирская речь. Омск. 1919. 5 февр.

Суляк 2006 – *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и Русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

Хандорин 2017 – *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 624 с.

Чехословацкий корпус 2018 – Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2: Чехословацкие легионы и

гражданская война в России. 1918–1920 гг. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.

Шевелев 2014 – *Шевелев Д.Н.* «Мы испытали горькое удовлетворение нашей общей победы»: тема и образы «Великой войны» в официальной и проправительственной периодической печати Белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // *Былые годы*. 2014. № 33 (3). С. 348–353.

Шевелев, Конев 2014 – *Шевелев Д.Н., Конев К.А.* Тема Великой войны во взаимоотношениях Российского правительства адмирала А.В. Колчака и Центрального Карпаторусского совета (1918–1919 гг.) // *Русин*. 2014. № 3 (37). С. 167–181. DOI: 10.17223/18572685/37/12

Шевелев, Конев 2015 – *Шевелев Д.Н., Конев К.А.* «За Россию и за общее дело славянства»: официальная и проправительственная печать Белой Сибири о формировании на ее территории карпаторусских воинских частей // *Русин*. 2015. № 3 (41). С. 143–167. DOI: 10.17223/18572685/42/11

Шевченко 2006 – *Шевченко К.В.* Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М.: Модест Колеров, 2006. 272 с.

Шевченко 2010 – *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: Regnum, 2010. 414 с.

Шмелев 2017 – *Шмелев А.В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с.

REFERENCES

Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) Budushchee Bukoviny v kontekste russkikh, ukrainских i rumynskikh predlozheniy na Parizhskoy mirnoy konferentsii 1919 g. [The future of Bucovina in the context of Russian, Ukrainian, and Romanian proposals at the Paris Peace Conference of 1919]. *Rusin*. 2(28). pp. 35–48.

Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) A.V. Kopystyanskiy i ego deyatel'nost' v Rossii v gody grazhdanskoy voyny, 1918–1920 gg. [A.V. Kopystyansky and his activities in Russia during the Civil War (1918–1920)]. *Rusin*. 3(29). pp. 116–126.

Lukov, E.V. & Shevelov, D.N. (2003) *Zakonodatel'naya deyatel'nost' Rossiyskogo pravitel'stva admirala A.V. Kolchaka (noyabr' 1918 g. – yanvar' 1920 g.)* [Legislative activity of the Russian government of Admiral A.V. Kolchak (November 1918 – January 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.

Karpatorusskoe slovo. (1919a) Beyte trevogu! [Sound the alarm!]. 11th August.

Karpatorusskoe slovo. (1919b) Bukovinskaya Rus' [Bukovinian Rus']. 2(3).

Karpatorusskoe slovo. (1919c) V armii – spasenie rodiny [In the army – the salvation of the Homeland]. 4th August.

Karpatorusskoe slovo. (1919d) Vesti s rodiny [News from Homeland]. 11th April.

Karpatorusskoe slovo. (1919e) Vozzvanie [Appeal]. 4th August.

Karpatorusskoe slovo. (1918a) Vsem urozhentsam Prikarpat'skoy Rusi (Galitskoy, Bukovinskoy i Ugorskoy Rusi) [To all natives of Ciscarpathian Rus (Galicia, Bukovina, Ugrian Rus)]. 1.

Karpatorusskoe slovo. (1919f) Edinstvennyy put' [The only way]. 25th August.

Karpatorusskoe slovo. (1919g) Za chto i pochemu? [What for and why?]. 8th September.

- Karpatorusskoe slovo.* (1919h) Itogi [Results]. 1(2).
- Karpatorusskoe slovo.* (1919i) K voprosu o russko-pol'skikh vzaimootnosh-eniyakh [On the Russian-Polish relationship]. 5(6).
- Karpatorusskoe slovo.* (1918b) K russkomu narodu [To the Russian people]. 1.
- Karpatorusskoe slovo.* (1919j) Katekhizis dobrovol'tsa-karpatorusa [The catechism of the Carpatho-Russian volunteer]. 3(4).
- Karpatorusskoe slovo.* (1918c) Na rassвете [At dawn]. 1.
- Karpatorusskoe slovo.* (1918d) Novaya Evropa i vrozrozhennaya Rossiya [New Europe and Restored Russia]. 1.
- Karpatorusskoe slovo.* (1919k) Ob'edinenie sil [Unification of forces]. 2(3).
- Karpatorusskoe slovo.* (1919l) Otkrytoe pis'mo Tsentral'nogo Karpatorusskogo soвета президенту Чешско-Словатской республики профессору Масарику [Open letter of the Central Carpathian Council to the President of the Czech-Slovak Republic, Professor Masaryk]. 1(2).
- Karpatorusskoe slovo.* (1919m) Prikaz Nr. 2 Tsentral'nogo Karpatorusskogo soвета по karpatorusskiim voyskam [Order Nr. 2 of the Carpathian Rus Central Council for the Carpathian troops]. 1(2).
- Karpatorusskoe slovo.* (1919n) Prikarpackaya Rus' v smertel'noy opasnosti [Carpathian Rus in mortal danger]. 4th May.
- Karpatorusskoe slovo.* (1919o) Ugorskaya Rus' [Ugric Rus]. 11th April.
- Karpatorusskoe slovo.* (1918e) Ustav Karpatorusskoy tsentral'noy organizatsii [The Charter of the Central Carpatho-Russian Council]. 1.
- Karpatorusskoe slovo.* (1919p) Uchastie Prikarpackoy Rusi v nyneshney voyne [The participation of the Ciscarpathian Rus in the current war]. 2(3).
- Karpatorusskoe slovo.* (1918f) Chto proiskhodit v vostochnoy Galichine? [What is happening in eastern Galicia?]. 1.
- Lloyd George, D. (1957) *Pravda o mirnykh dogovorakh* [The Truth about the Peace Treaties]. Vol.1. Translated from English by V.G. Trukhanovsky. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
- Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) Carpatho-Russian Conventions in Siberia during the Civil War (1918–1919). *Rusin*. 3(37). pp. 152–156 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/11
- Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2018) The Carpatho-Russian problem at the Paris Peace Conference in 1919. *Rusin*. 3(53). pp. 172–192 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/10
- Kopystyansky, A. (1919) Malopol'sha i Galitsiya [Little Poland and Galicia]. *Nash put'*. 29th (16th) September.
- Otechestvennye vedomosti.* (1918) Nakanune [On the eve]. 13th October (30th September).
- Pravitel'stvennyy vestnik.* (1918) Rech' prezidenta Vil'sona o mire [President Wilson's speech about peace terms]. 20th November.
- Pushkash, A. (2006) *Tsivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'e 1918–1945* [Civilization or barbarism: Transcarpathia, 1918–1945]. Moscow: Evropa.
- Pushkash, A.I. (2007) Mezhdunarodnyy i politiko-pravovoy status natsional'nykh men'shinstv stran Sredney Evropy v resheniyakh Parizhskoy mirnoy konferentsii [The international and political-legal status of national

minorities in Central European countries in the decisions of the Paris Peace Conference]. In: Kostyusko, I.I. (ed.) *Vostochnaya Evropa posle Versalya* [Eastern Europe after the Versailles]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 78–89.

Svobodnaya Sibir. (1918) Chuzhoy grekh [Their Sin]. 24th (11th) November. *Sibirskaya rech*. (1919) 5th February.

Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i Russkoy smuty [The Rusins during World War I and the Russian distemper]. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65.

Khandorin, V.G. (2017) *Natsional'naya ideya i admiral Kolchak* [National idea and Admiral Kolchak]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.

Abramyan, K.A. (2018) *Cheshsko-Slovatskiy (Chekhoslovatskiy) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy* [Czech-Slovak (Czechoslovak) Corps. 1914–1920. Documents and materials]. Vol. 2. Moscow: Kuchkovo pole.

Shevelev, D.N. (2014) “We Felt the Bitter Satisfaction of Our Shared Victory”: the Theme and Images of the ‘Great War’ in the Official and Pro-government Periodical Press of the White Siberia (June 1918 – December 1919). *Bylye gody*. 3(3). pp. 348–353 (in Russian).

Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2014) The theme of the “Great War” in the interaction of Russian government of admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council (1918–1919). *Rusin*. 3(37). pp. 167–181 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/12

Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2015) “For Russia and for the Slavdom”: the official and pro-governmental press of the White Siberia on the formation of Carpatho-Russian military units on its territory. *Rusin*. 4(42). pp. 143–167 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/11

Shevchenko, K.V. (2006) *Rusiny i mezhoennaya Chekhoslovakiya. K istorii etnokul'turnoy inzhenerii* [Rusyns and inter-war Czechoslovakia. On the history of ethnocultural engineering]. Moscow: Modest Kolerov.

Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX v.* [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Rusins in the 19th – the first half of the 20th centuries]. Moscow: Regnum.

Shmelev, A.V. (2017) *Vneshnyaya politika pravitel'stva admirala Kolchaka (1918–1919 gg.)* [The foreign policy of Admiral Kolchak's government (1918–1919)]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.

Шевелев Дмитрий Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Dmitry N. Shevelev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shev-dn@yandex.ru